

Наталья Левених

Когда мы будем готовы

Москва
Издательство АСТ

 АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
ЛЗ5

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

*Работа над книгой частично велась в Доме
творчества Переделкино.*

Левених, Наталья Дмитриевна.

ЛЗ5 Когда мы будем готовы : [сборник рассказов] /
Наталья Левених. — Москва : Издательство АСТ :
Астрель-СПб, 2026. — 288 с. — (Люди, которые все-
гда со мной).

ISBN 978-5-17-184996-2

Помните слова мамы Форреста Гампа? «Жизнь — как коробка шоколадных конфет. Никогда не знаешь, какая начинка тебе попадётся».

Эта книга — коробка историй о материнстве. Истории эти очень пёстрые, и смешные, и пугающие, а порой даже фантастические. Это не хроника личных семейных будней, а скорее попытка взглянуть на материнство как на явление с разных сторон, через призму разных сюжетов. Но в центре внимания здесь всегда фигура матери и её чувства.

И что бы ни происходило в трудные моменты, материнство — по-настоящему интересное приключение. И книга Натальи Левених готова вам это доказать.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-184996-2

© Левених Н. Д., текст, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ОТ АВТОРА

На эту книгу меня вдохновила мама Форреста Гампа. Если вы смотрели фильм Роберта Земекиса или читали книгу Уинстона Грума, то наверняка запомнили эту героиню — её силу, смелость и, конечно же, бесконечную материнскую любовь. Но сможете ли вы вспомнить, как её зовут?

Нет, и на то есть причина. Ни в фильме, ни в книге у этой замечательной женщины просто нет имени. Форрест зовёт её «мама», остальные — «миссис Гамп». А ведь она по-настоящему интересный персонаж и достойна остаться в нашей памяти не только как «мама Форреста».

Сейчас модно переосмысливать классику, рассказывая известные истории глазами второстепенных персонажей. Признаюсь честно, я бы с интересом прочитала ретеллинг «Форреста Гампа», где центральной героиней была бы его мама. А если бы я умела писать романы — то с удовольствием написала бы такую книгу.

Но вместо романа о маме Форреста я написала сборник рассказов, героинями которого стали матери — молодые, пожилые, одинокие, замужние, опытные, свежее испечённые и даже несостоявшиеся.

Я верю, что каждая история должна быть рассказана именно в той форме, в какой она родилась. Поэтому мои рассказы написаны в разных жанрах. Мама Форреста Гампа говорила, что жизнь — коробка шоколадных конфет, и никогда не знаешь, какая начинка тебе попадётся. Мой сборник — коробка историй о материнстве. В основе реализм с терпкой начинкой. Но есть и бодрящая фантастика, и тающая во рту магия, а ещё — острая антиутопия, тягучий хоррор и немного хрустящего юмора. Есть рассказ, написанный как серия голосовых сообщений, а есть сборник коротких записок. Но материнство (или его отсутствие) почти всегда остаётся центральной темой, а мать — главной героиней.

Мне хотелось показать материнство не глянцево-картинкой с обложки, а живым и насыщенным путешествием длиною в жизнь. Я считаю, что материнство начинается не с момента рождения ребёнка, а гораздо раньше. У кого-то — в начале беременности, когда появляются первые ограничения. А иногда с момента, когда женщина (девушка, девочка) начинает задумываться о том, что у неё будут дети, и желать этого.

А когда же заканчивается это интересное приключение? Когда мы перестаём быть нужны своим детям? В тринадцать лет? В восемнадцать? В тридцать?

«Хотелось, как в детстве, прильнуть к любящему, жалеющему существу и умилённо плакать и быть утешаемым. Но кто такое существо, к которому я мог бы прильнуть так?.. Сделаться маленьким и к матери, как я представляю ее себе...

Да, она, высшее моё представление о чистой любви, но не холодной, божеской, а земной, тёплой, материнской. К ней тянулась моя лучшая, уставшая душа. Ты, маменька, ты приласкай меня».

Эти слова Лев Толстой записал в своём дневнике, когда ему было семьдесят семь лет.

Так когда же мы, матери, можем перестать быть матерями? Если верить Льву Толстому, то никогда. Даже если ребёнку стукнет семьдесят, а его мама будет выглядеть не старше восьмидесяти — она всё равно останется его мамой, до конца жизни.

Многодетные мамы иногда шутливо считают свой материнский стаж — складывают возраст детей и ахают, увидев результат. По такой арифметике у меня выходит сорок лет. За это время бесценный опыт мне подарили не только собственные дети, но и другие женщины. Наши разговоры, советы, поддержка — всё это стало частью моего пути, а некоторые истории так запали в душу, что из них выросли сюжеты рассказов. Я понимаю, что материнство неисчерпаемо и впереди ещё немало сюрпризов. Но когда я пишу о нём, я опираюсь не на теории, а на то, что действительно пережила и пропустила через себя.

Получилась ли книга — судить вам. Но я точно знаю, что важно сделать матерей и их опыт настоящим видимыми. Мама Форреста Гампа напоминает нам, что начать можно с имён.

АНОНИМНЫЕ МАТЕРИ

— Я мама Аси, — начала Первая.

Вишнёвое платье, длинные серьги, спокойный голос. Ей явно к пятидесяти, но выглядит моложе.

— Нам было по шестнадцать. Рано заводить ребёнка, да. Но мы так любили друг друга. Жить стали у моих родителей, свёкр и свекровь помогали деньгами. Когда Ася родилась, я любовалась ею каждую минуту. Копия отца. Кудряшки тёмные, с самого рождения. Ресницы длиннющие. Асе так шли яркие цвета, и я до сих пор присматриваю в магазинах красные платья. Иногда даже покупаю. Держу их на дальней полке, потом отдаю подругам или отношу в благотворительный магазин.

Первая замолчала. Серьги покачались и тоже замерли.

— Спасибо, что поделились с нами. — Ведущая обвела глазами группу. — Кто хочет продолжить?

— Давайте я, — откликнулась женщина, похожая на серую синичку-гаичку. — Но я с бумажками, можно?

Ведущая кивнула. Вторая порылась в сумочке и достала потрёпанную тетрадь с динозавриками на обложке.

— У нас Димочка. Мне было двадцать два, мы с Лёшей только закончили институт и сразу начали жить вместе. Свадьбу назначили через год, но Димочка не дождался — появился раньше. Он с младенчества любит книжки и даже сам пытается что-то сочинять. — Вторая подняла глаза от тетрадки и робко улыбнулась. — Мы решили, что это генетическое, ведь Лёша журналист. Способности же передаются по наследству, правда?

Никто не ответил. Вторая снова уткнулась в тетрадку.

— Воспитатели говорят, что у Димочки хороший вербальный интеллект. Он легко запоминает стихи и пересказывает. Может быть, он будет... Будет писателем...

Раздался лёгкий стук: это слёзы закатали на тетрадку.

— Спасибо за ваш рассказ. — Ведущая положила руку на плечо Второй. Та судорожно всхлипывала.

— Мы можем выслушать следующую участницу. Начинайте, когда будете готовы.

Какое-то время в группе стояла тишина, нарушаемая лишь шуршанием салфеток и вздохами. Ведущая молча выжидала. Сейчас начнётся. Непременно начнётся.

— У нас близнецы. Мальчик и девочка.

Третья была одета в простое цветастое платье. И вся она была какая-то круглая и плавная, как будто сейчас раздаст всем сладкие румяные оладушки.

— Знакомые пугали меня, что дети ссориться будут, мол, с двойняшками всегда так. Ан нет — с детства дружили, сын сестру защищал. Сейчас сидят за одной партой, помогают друг другу. У них интересы-то разные. Она биологию учит, ветеринаром хочет стать. А он как всякий парень — всё больше физикой да робототехникой занимается. Но на олимпиады вместе ходят, для поддержки. Вот как дальше, не знаю. — Лицо Третьей скривилось, она затрясла головой. — Вы дальше давайте, пусть другой кто...

— Третий ребёнок, неожиданный, последний, к сорока годам, — чётко обозначила Четвёртая. Она сидела с прямой спиной на краешке стула и зачем-то обнимала закрытый ноутбук. — Думали, что будет трудновато. Возраст всё-таки, да и старшие уже школу заканчивали. Но именно с ним я смогла как-то расслабиться наконец. Деньги есть, опыт есть, можно не спешить никуда. Первого бабушка вырастила, я крутилась как могла между учёбой и работой. К рождению второго руководителем стала. Ходить его няня учила, читать — репетиторы. А с третьим я всё сама: и сказки читала, и листья для поделок собирала. Как в своё детство вернулась, только лучше. Поняла, какое оно должно быть — материнство.

Четвёртая неожиданно ссутулилась, упёрлась подбородком в ноутбук и начала нервно смахивать с брючного костюма невидимые соринки.

— У меня единственная дочка, любимая, больше Бог не дал.

Пятая печально улыбнулась и стала похожа на звезду чёрно-белого кино, царственную и ранимую одновременно.

— Имя я ещё в детстве придумала — Вероника. И снилась она мне — светловолосая, упрямая, красивая.

Пятая замолчала и прижала к губам ладонь. На тонких ухоженных пальцах поблёскивали серебряные кольца.

— Я не могу поверить, что так вышло. Просто не могу. Мне нечего больше сказать. Простите.

— Благодарю вас всех за открытость. — Ведущая поднялась со стула. — Сейчас у нас будет перерыв. Напитки и небольшое угощение в конце зала. Во второй части мы поговорим о реальном положении вещей. Нам понадобится много сил и смелости. Пожалуйста, будьте бережны к себе и другим участницам.

* * *

— Нам было по шестнадцать, ну какой ребёнок, о чём вы... Но я хотела. Всё мечтала, каким бы он получился. Вот Асю и придумала. Я противозачаточные по утрам пила и каждый раз плакала — как будто я что-то внутри убиваю, Асе вред наношу. Но мама говорила, что мы только жить начинаем и всё ещё изменится. Так и оказалось: после школы у каждого своя компания, потом он в другой город поступил — и всё. Он уехал, да я и забыла его почти. А вот Ася рядом со мной всегда. До смешного доходило. Когда уже замужем была и впервые забеременела, начала читать статьи «Как подготовить ребёнка к рождению второго», представляете? Ну и про платья, да, я уже рассказывала. У меня же двое мальчишек. А я до сих пор как отдел для девочек вижу — так слёзы на глазах. Мне

же хотелось и куклы, и косички, и платья, и на маникюр вместе...

— Лёша умер в двадцать три года. Мы свадьбу планировать начали, а тут пневмония, осложнения, аутоиммунное. Несколько месяцев мучений. Лёша всё говорил, жаль, что сына не успели родить, он всегда мечтал. Вот мы в утешение и выдумали Димочку. И какие у него глазки, и чем интересовался, и какие таланты... Решили, что будем растить писателя. Обсуждали и в какой садик отдать, и какие кружки нужны, и где жить будем. Я всё в тетрадку записывала, вот в эту. Потом Лёша умер, а Димочка остался. Мы ведь его сочинили и любили, он как живой...

— Врачи сказали, это называется «дистресс-синдром». У двойняшек чаще бывает. Особенно если прежде времени. Дочку спасли, а сына не смогли. Я сначала решила: притворюсь, что его и не было вовсе. Живот маленький, никто и не знал, кроме мужа. Не вышло. Как призрак, везде с нами. Гляжу на дочку, какая она одинокая, — и жалко её так. Муж уговаривал второго завести, да не решилась я. Вдруг опять что не так пойдёт. Сколько же призраков у меня будет, и так крыша едет...

— Муж сказал: куда нам третьего, в наши-то годы. Только вздохнули свободно, путешествовать стали. К лыжам вернулись. У меня работа новая. Квартиру как раз купили — на четверых. Ну я и сдавалась. Пошла на аборт. Вот только иногда кажется, что матерью я побыть не успела. Как-то на бегу всё прошло. А сейчас вроде и хочется пообщаться — да какое с подростками общение, у них уже свои компании да интересы...

— Как же это несправедливо! Видит бог, я хотела ребёнка, сколько себя помню. Когда была ма-

ленькая, всю капусту вытоптала на даче: сестрёнку себе искала. Двоюродная сестра родилась — я от неё не отходила. Тётя рассказала, что ребёнок у неё в животе вырос. Сестра зимой родилась, я её сразу в пелёнках увидела — и решила, что дети так и рождаются, в пелёнках. А те вырастают из ниточек, которые женщина в течение жизни проглотила. Так я себе все носочки ободрала: нитки выдирала, скатывала в клубочки и глотала, чтобы моему ребёночку холодно не было. Как я хотела родить! Когда сказали диагноз, думала, умру на месте. Муж утешал, предлагал усыновить. Но я не смогла, чужая кровь. Я же с детства представляла, что он внутри меня растёт... Как же несправедливо...

* * *

— Мы приступаем к третьей, заключительной части.

Ведущая обвела взглядом группу. Участницы ещё всхлипывали, но казались решительными. Хорошо, что она сделала перерыв подлиннее.

— Напоминаю, вы вольны сами выбирать подопечную. Начинайте говорить, когда будете готовы. Если не хотите слушать, скажите об этом или выставьте ладонь вперёд.

— Я хочу рассказать про мальчика-близнеца, можно? — Вторая неуверенно взглянула на ведущую.

— Давайте спросим у матери. Скажите, вы согласны выслушать рассказ?

Третья кивнула, сложила мягкие руки на цветастых коленях.

Вторая вспорхнула с места, сцепила пальцы и затараторила, как отличница на уроке:

— Ваш мальчик выиграл олимпиаду по робототехнике и поехал на международные соревнования. Там его заметили люди из университета и предложили стипендию в школе для одарённых подростков. Вы за него волновались, но решились отпустить. А ваша дочка скоро найдёт себе сильного и смелого парня, который будет её любить и никому не даст в обиду. Всё!

Вторая опустила на стул, неловко расставив ступни. Третья охнула, потом пересела, обняла Вторую за плечи, что-то прошептала на ухо. Так они и прижались друг к другу, как мать и дочь. Казалось, сейчас запахнет оладьями. Но тут Третья вздохнула, отняла руки и повернулась в круг.

— Ох, ну довольно сырость разводить. Я вам вот хочу сказать про последыша.

Четвёртая вздрогнула и вся как-то подобралась. Пиджак её натянулся, пуговицы выстроились в тугой рядок.

— Я слушаю.

— Про мальчонку не придумалось, уж не взыщите. Я про вас скажу. Вы молодая ещё. И дети почти взрослые. Самое время для себя пожить, пока внуками не одарили. Молодая бабушка — красота! Вас за мать их будут принимать, вот честное слово. Внуков вы и ходить научите, и читать, и дом весь в поделках будет — только успевай разгребать. В цирк сводите, в театр. Все завидовать будут — что вам, что внукам вашим.

— Спасибо вам... Я как-то не задумывалась. А ведь и правда, я буду бабушкой!

Лицо Четвёртой медленно осветила улыбка — как солнце пробилось сквозь еловый лес.

- Конечно будете!
- Ещё какой!
- И в футбол ещё сможете играть.
- И на лыжи их поставите!

Участницы наперебой предлагали варианты. Ведущая пыталась сохранить очерёдность, но потом решила не противиться стихии.

Жизнь набирала обороты.

Четвёртая начала заниматься спортом, чтобы кататься с внуками на лыжах.

Димочка пошёл по стопам отца и стал журналистом. Ездил по командировкам, иногда писал рассказы. Мать его почти не видела, но очень гордилась сыном.

Асе было уже за тридцать, она жила на другом конце страны с мужем. С матерью созванивалась редко, но разговаривали обстоятельно, подолгу.

Всё складывалось удачно. Но что-то не давало Ведущей покоя.

Пятая! Дети в капусте, пелёнки из ниточек... Она выглядела оживлённой, предлагала идеи для Димочки. Но про её ребёнка — Веронику — не сказали ни слова.

Пятая перехватила взгляд Ведущей.

— Обо мне волнуетесь? Ничего, мне не обидно.

Голоса смолкли. Участницы в замешательстве посмотрели на Пятую. Она печально покачала головой и выставила вперёд узкую ладонь. Звякнули браслеты.

— Столько лет прошло, боль утихла. И Веронику вспоминаю всё реже. Сложно другое. Вы понимаете, я совсем одна с этим. Боюсь рассказать — что подруге, что маме. А пришла сюда — и не одна. Спасибо вам. Всем вам. Простите, я так давно не плакала, а тут, кажется, можно...

— Можно.

Ведущая потянулась за салфетками, но вокруг Пятой уже образовался заботливый кружок. Ей протягивали платочки, воду, гладили по плечам, щебетали слова утешения. А потом плакали сами, обнимались, переходили на «ты», предлагали встретиться...

Ведущая выдохнула и откинулась на спинку стула. Получилось. Отпустили. Дальше они сами.

* * *

Ведущая вошла в квартиру, стряхивая снег с потемневших от влаги кудряшек. Быстро скинула пальто, обувь и напрямик прошла к столу с эскизами. Включила лампу, достала карандаши. Набросала черноволосую женщину в красном платье и с длинными ресницами, юного взъерошенного журналиста с фотоаппаратом и ноутбуком. Остальных можно и потом, а эти двое стояли перед ней как живые, надо успеть. Вымечтанные, любимые, нерождённые дети. Пусть живут — хоть так.

«Как прошло?» — звякнул телефон сообщением от супервизора.

Ведущая отложила карандаш.

«Хорошо, всех отпустили. Много поддержки».

«Рада слышать. Завтра обсудим подробнее. Как сама?»

«Устала, иду спать. До завтра».

Она отложила телефон, но тот звякнул снова. На сей раз сообщением от клиентки: «Я готова забрать заказ, удобно ли встретиться сегодня? Или, может, доставка?»

Ведущая с усилием поднялась из-за стола и подошла к стеллажу, где были расставлены причудли-